

Татуин.

Солнце палило с безоблачного голубого неба, заливая огромные пустынные просторы планеты ярким белым светом. Блики от него отражались от ровной песчаной поверхности, влажным мерцанием обжигающего жара заполняя промежутки между массивными скалами и одинокими выступами гор, которые были единственной отличительной чертой планеты.

Резко очерченные монолиты стояли, как часовые, неся вахту в водянистой дымке.

Когда корабль пронесся мимо и вошел в атмосферу, двигатели ревели от свирепого голода и неутомимого стремления, жар и свет, казалось, рассыпались, а сами горы задрожали. Потому что это был не простой корабль, упавший с неба. Это был человек. Его тело было избито, одежда изорвана, и удивительно, что он еще не сгорел при возвращении в атмосферу. Но он все равно падал, и земля стремительно приближалась к нему.

Была ранняя осень, и жара стояла страшная. Он щурился на яркое солнце, пыльные дьяволы кружились вокруг него, вздымая маленькие пылинки, когда он трясся над землей. В самый последний момент он закрыл глаза и приготовился к неизбежной боли: трясущейся агонии от приближающегося удара. То, что он проснулся раньше и обнаружил, что находится в воздухе, было пустяком по сравнению с тем, насколько жестким будет его приземление.

Что-то треснуло по его лицу и отбросило его в сторону. Что-то твердое и бесконечно неподатливое.

Это была земля.

Он с силой шлепнулся на землю и, не контролируя себя, перевернулся на спину. Он подпрыгнул: один, два, три, четыре раза, прежде чем импульс удара снова повалил его на землю. Его голова ударилась о твердый корень, что усугублялось толщиной черепа. Перед глазами поплыли черные пятна, и он ослеп. Он попытался встать и очень пожалел об этом, так как сломанное ребро практически выбило дыхание из легких.

Вставай, черт тебя побери! Вставай! Ругаясь и отплевываясь, он поднялся на руки и колени и попытался встать, глаза слезились, в ушах звенело. Упираясь руками в гравийную и гранитную почву, он преодолел половину пути, полузадушенная клятва сорвалась с его губ, прежде чем на него упала тень; прежде чем он поднял взгляд и понял, на что именно он смотрит. Он приземлился в огромном кратере, засыпанном и сплюсненном от удара его приземления.

И боль. Она была повсюду. Абсолютно везде. Она отдавала в спину, отдавала в позвоночник; даже дышать было трудно. Он не мог точно определить, где она - или где он сам, - но не мог предположить, что долго продержится на такой жаре.

Не в силах стоять, он перевернулся на спину, и всякое подобие спокойствия испарилось, когда он взглянул на палящее солнце кажущейся бесконечной пустыни. Где он был? Как он сюда

попал?

Поле, на котором он приземлился, должно было быть усеяно пшеницей, готовой к сбору урожая. Вместо этого оно было суровым и сухим. Как будто из почвы выкачали всю жизнь. Это была жуткая, отнимающая много времени мысль, которую он не мог позволить себе допускать. Над головой сгущались тучи; должно быть, надвигается песчаная буря. Он попытался встать; попытался заставить свое тело двигаться, надеясь найти укрытие до того, как на него обрушится вся мощь взрыва. Он еще раз попытался встать.

"Чертово дерьмо!"

Сказать, что он потерпел неудачу, было бы преуменьшением. Он выругался, а потом рассмеялся; это был резкий, горький звук. Даже в смерти он перенял нецензурную речь своей жены. Этой мысли было почти достаточно, чтобы прогнать печаль, поглощавшую каждый дюйм его тела. Почти. Он подумывал подняться - даже попытался, - но давящая тяжесть собственной агонии не позволила ему сдвинуться ни на миллиметр. Грызущее отчаяние вцепилось в него когтями, и он судорожно хлопал себя, пытаясь определить, откуда исходит боль.

Бронежилет?

Есть.

Слаксы?

Есть.

Руки?

Есть.

Ноги... О!

Агония охватила мужчину: его зрение превратилось в алые струйки, когда пальцы сомкнулись вокруг изуродованной правой ноги: колено было практически раздроблено во время приземления. Колено не было отрезано полностью - слава ками за малую милость, - но его облегчение угасло, когда он увидел кровь. Он истечет кровью, если ничего не предпримет, и очень скоро. Подняв руку, он оторвал рукав и быстрыми, торопливыми движениями, свидетельствующими о многолетней практике, принялся накладывать жгут на раненую конечность. Звериное шипение боли прорвалось сквозь зубы, когда он затянул узел вокруг бедра и закрепил его, замедлив поток багровой жижи между пальцами, но не остановив его. Через несколько секунд темная ткань пропиталась насквозь.

Он почувствовал, что его зрение начинает расплываться, а руки холодеют.

"Боже, такое ощущение, что нас только что переехал Дзюуби!" - проскрежетал грубый голос в голове, вклиниваясь в боль. "Эй, ты там, Гаки?" Когда воцарилась тишина, голос попробовал применить более привычный подход. "Ну же, Наруто, поговори со мной!" С запозданием он почувствовал, как рана начинает закрываться; раздробленное колено и сломанная костная шпора сшиваются друг с другом, текут, как млеко, по его плоти. И все же он почти не осознавал этого, как будто все происходило вне его, а он был всего лишь сторонним наблюдателем.

"БОЙ!"

Наруто дернуло внутрь, втянуло в себя, чтобы столкнуться с тем самым существом, которому он был обязан жизнью. Над ним возвышался Курама, давно освободившийся из своей клетки, с сужившимися в недоумении глазами, наблюдая за непостижимым поведением своего хозяина и напарника. Наруто вздрогнул, увидев огонь в его глазах. Несмотря на многочисленные разговоры, которые они вели в его голове, он просто не мог не таращиться на огромные размеры кицунэ. Очень злая кицунэ, в данный момент.

"Да что с тобой такое, черт возьми?!" прорычал биджу, едва не оглушив блондина. "Ты хочешь умереть?!"

"Может быть". ответил Наруто, вызвав изумленное шипение своего квартиранта.

"Только не при мне!" Лис скривил губы в злобном оскале. "Ты забыл, что если ты умрешь, я умру вместе с тобой?!"

Несмотря на это, Наруто рассмеялся. "Приятно знать, что тебе не все равно, а, Курама?"

Кицунэ фыркнул.

"Так просто ты от меня не отделаешься, котенок".

Последний хокаге Конохи захихикал, но в его улыбке уже не было ни капли веселья. Ему больше нечему было улыбаться. Его деревни больше не было. Его народ уничтожен. Война с Обито и Учихой Мадарой затянулась на годы, и хотя за это время он видел смерть многих, больше всего его тронула смерть одного. В конце концов, не смерть Сакуры Харуно и не убийство Учихи Сасукэ потрясли его больше всего. Это была потеря его жены.

Таюи.

Эдо Тенсей Кабуто воскресил из мертвых бесчисленное множество людей. Флейтистка была всего лишь одной из них, захваченной для изучения в начале войны. То, что она вспомнила о

печатах, позволяющих освободить ее, связать ее душу со своим теперь уже якобы неживым телом, было своего рода благом. Поначалу они не были лучшими друзьями, тем более учитывая способ ее пленения, но со временем он привязался к ней, а она - к нему. Настолько, насколько это вообще возможно для рыжеволосой, не в меру вспыльчивой женщины. Она даже вышла за него замуж, хотя ее... состояние не позволяло иметь семью.

<http://tl.rulate.ru/book/103609/3604250>